

УДК 82.0

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ РУССКИХ И УКРАИНСКИХ АНТРОПОНИМОВ ТЮРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ибрагимова В. Ф.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

В данной статье рассматриваются русские и украинские антропони́мы тюркского происхождения в составе словообразовательных парадигм. Выявление и сопоставление типовых и конкретных СП позволило установить случаи не реализации определенных СЗ. В результате сопоставления определены ограничения сочетаемости производящих основ онимов с аффиксами, их роль в формировании СП.

Ключевые слова: словообразовательные парадигмы, антропони́мы, апеллятив, типовые и конкретные словообразовательные парадигмы, морфологическая парадигма.

Постановка проблемы. Русское словообразование с момента своего оформления в середине XX века как самостоятельного раздела лингвистики прошло значительный путь развития, сочетая теоретические построения с обширными наблюдениями над различными проявлениями словообразования «как деятельности», в том числе и путем изучения новых слов и их типов, наиболее наглядно отражающих специфику русской деривации и тенденции ее развития как устойчивой и саморазвивающейся системы.

Перспективными в современной дериватологии являются такие вопросы, как русские и украинские фамилии тюркского происхождения в составе комплексных единиц словообразования: словообразовательном гнезде, словообразовательных цепочках и словообразовательных парадигмах.

Цель статьи – исследовать русские и украинские антропони́мы тюркского происхождения в словообразовательных парадигмах. Основная задача работы – установить состав конкретных и типовых словообразовательных парадигм.

Выявление и сопоставление типовых и конкретных СП (далее СП) позволит выявить случаи не реализации определенных словообразовательных значений. Материалом для анализа послужили СП двух групп онимов: фамилии от собственных имен и фамилии от исходного апеллятива. Анализ этих групп обусловлен следующим: 1) общие лексико-грамматические и семантические признаки этих ЛСГ (принадлежность к части речи существительных, конкретность семантики и т. д.) позволяют выявить общность их деривационных возможностей; 2) их различительные свойства (противоположность по признаку одушевленность и неодушевленность, конкретность – абстрактность, возможность – невозможность метафорического использования; структурные и фонетические различия) определяют специфику в выборе производных. Не ставя перед собой задачу всестороннего анализа отмеченных парадигм, мы определяем только суффиксальную часть СП, что обусловливается высокой степенью продуктивности суффиксального способа в именном словообразовании.

Для того чтобы выявить особенности СП, мы считаем целесообразным сравнить эту единицу со словоизменительной парадигмой. Детальная характеристика морфологической парадигмы (далее МП) содержится в статье Е. С. Кубряковой и П. А. Соболевой [4]. Приняв за исходное положение эту работу, мы попытались установить сходства и различия между СП и МП. Словоизменительная парадигма в отличие от словообразовательной характеризуется большей регулярностью. Незначительное количество случаев ограничения сочетаемости основ и формообразующих аффиксов обуславливает то, что в МП отсутствие какого-либо члена, как правило, предсказуемо. В СП отношения более сложные и количество ограничений в сочетаемости основ и аффиксов значительно больше. Однако можно выявить ряд сходных признаков у словоизменительной и словообразовательной парадигм:

а) в МП отмечается конкретная лексема и переменный формант. В СП в качестве составной величины выступает производящая основа, в роли переменной – словообразовательный аффикс [1; 6; 8; 9 и др.];

б) в МП и СП все члены отделены от исходного на равное количество формальных операций;

в) в МП и СП можно установить различные случаи «дефектности», неполноты. Однако следует признать, что «дефектность» у СП обнаруживается чаще, чем у МП. Однако следует учитывать, что словообразование и формообразование различаются по своей сложности и по своей зависимости от разного количества формантов [4].

По различным признакам СП подразделяется на такие виды:

1) в зависимости от принадлежности исходного к той или иной части речи СП делятся на именные (субстантивные, адъективные, местоименные, нумеральные), глагольные, наречные;

2) количество зон (совокупность производных одной части речи) внутри СП определяет деление СП на гомогенные (включают производные одной части речи) и гетерогенные (включают производные разных частей речи);

3) степень реализации типовых СЗ обуславливает разграничение полных и неполных СП.

Построенные СП онимов позволяют определить те виды ограничений, которые действуют при соединении производящих основ существительных с суффиксами [6; 10]. Ограничения могут быть разделены на такие виды:

1. С точки зрения соотношения системы и узуса ограничения подразделяются на системные и узусальные. Первые характеризуют принципиальную неспособность производящих основ к соединению с какими-то аффиксами, неспособность производящих к созданию производных, выражающих определенные СЗ. Системные ограничения обуславливают набор СЗ, передаваемых на базе каких-либо основ. Узусальные ограничения определяют конкретную реализацию этих СЗ.

2. В зависимости от характера того или иного фактора, что влияет на сочетаемость основ с аффиксами, можно выделить ограничения семантические, формальные, структурные, словообразовательные, стилистические, лексические.

Следует особо подчеркнуть, что выделяемые нами ограничения в пределах построенных СП онимов различных ЛСГ имеют, как правило, характер не жестких, а вероятностных закономерностей.

СП определяется как совокупность производных от одной производящей основы, находящихся на единой ступени деривации [1; 3; 5; 7; 12]. Исходя из того, что СП является единицей двуплановой, выделяются конкретные и типовые СП.

Под конкретными словообразовательными парадигмами (КСП) понимается совокупность производных от конкретного слова. Типовая словообразовательная парадигма (ТСП) – это набор деривационных значений в отвлечении от реализующих их аффиксов / формантов.

СП имеют постоянный член (производящая база) и переменные члены (производные с различными деривационными аффиксами) на том или ином деривационном шаге (ДШ). В отличие от морфологических парадигм, которые объединяют словоформы одного слова, СП объединяют разные слова, в том числе слова разных частей речи, и не включают слово, служащее производящим для членов парадигмы.

СП антропонимов показывают, что между членами парадигмы наблюдается большее сходство в наборе определенных деривационных значений. Таким образом, существует асимметрия между означаемым и означающим: одно и то же деривационное значение может быть выражено с помощью разных аффиксов. Учитывая словообразовательное значение формантов, СП антропонимов распадаются на блоки, включающие производные именных частей речи: субстантивный (суффиксы *-енко*, *-ко*, нулевой суффикс) и адъективный (суффиксы *-ов/-ев*, *-ск/-цк*, *-ый*). Деривационное значение суффиксов антропонимов является обобщенным, указывающим на определенную частеречную принадлежность.

Специфика СП русских и украинских антропонимов тюркского происхождения заключается в том, что рассматриваемые производные образуются на базе производящих: а) существительных, б) прилагательных, в) глаголов, г) местоимений. Внутри СП выделяются следующие зоны производных: 1) субстантивная, 2) адъективная, 3) субстантивная и адъективная зоны.

Однако для СП с вершиной местоимением характерны субстантивная и адъективная зоны.

1) СП «существительное → субстантивная зона» (9).

Преобладают производные с украинскими суффиксами *-ко* и *-енко*: асаул → *Асаула*, *Асаул/енко*, *Асаул/як*; аш (ош) → *Ашев/ич*, *Аш/енко* (*Ошенко*), *Ошен/юк*; балта → *Балта/ча*, *Балт/ачек*, *Балта/Чук*; билим → *Билим/енко*, (*Белим/енко*), *Билим/ко*; бут → *Бут/енко*, *Бут/ко*; гунь (кунь) → *Гунь/ко*, *Гунь/чик*; джеп → *Джеб/ик*, *Джеб/ко*; тура → *Тур/енко*, *Тур/енок*; хавал → *Ховал/к/ин*, *Ховал/ко*.

2) СП «существительное → адъективная зона» (35).

баба → *Бабай* (*Бабий*), *Баба/ев* *Баба/к/ов*, *Баба/ев/ск/ий*; буз → *Буз/ин*, *Буз/ов*, *Бузовл/ев*, *Бузлу/в/с/кий*, *Буз/ув/ск/ий* (*Буз/ов/ск/ий*); азан → *Азан/ин*, *Азан/чи/ев*, *Азан/чи/ев/ск/ий*; алыча → *Алыч/ев*, *Алч/ин*, *Алыч/ев/ск/ий*; алим →

Алим/ов, *Алим/ин*, *Алим/ов/ск/ий*; араба → *Араба/джи*, *Араба/джи/ев*, *Араба/дж/ий/ск/ий*; аркан → *Аркан/ов*, *Аркан/ов/ск/ий*; ата (ота) → *Ата/ев* (*Ота/ев*), *Ата/ев/ск/ий*; бадрак → *Бадрак/ов* (*Бодрак/ов*), *Бадравк/ов/ск/ий*; бакшиш → *Бакшиш/ев*, *Бакшиш/ин*; балаш → *Балаш/ин*, *Балаш/ев/ск/ий*, *Балаш/ов*, *Бальш/ов*; бал → *Бал/джи/ев*, *Бал/джи/ев/ск/ий*; баш → *Баи/ев*, *Баи/ин*, *Баи/ин/ск/ий*; бучак → *Бучак*, *Бучак/чий/ск/ий*; жемчуг → *Жемчуг/ов*, *Жемчуг/ов/ск/ий*, *Жемчуг/ин*, *Жем-*

чуж/ник/ов, Жемчуж/н/ый; заман → Заман/ов, Заман/ск/ий; карагач → Карагач/ев, Карагач/ин, Карагач/ев/ск/ий; катык → Катых/ин (Катык/ин), Катых/ов (Катык/ов); кашик → Кашиг/ин, Кашик/ов; кирпич → Кирпик/ин, Кирпик/ов; копка → Копка/ев, Копка/йк/ин, Копка/н/ов; кумыс → Кумыс/ов, Кумыс/ин; курак → Курака, Курак/ин, Курак/ов; куч → Куч/ев, Куч/ин; очаг → Очаг/ин, Очаг/ов, Очаг/ов/ск/ий (Очак/ов/ск/ий); патлажан → Патлажан/ов, Патлаж/ей; печенег → Печенег/ин, Печенег/ов, Печенеж/ск/ий; пичак → Пичак/ов, Пичак/ин; половец → Половец/к/ий, Половец/ев; сакал → Сакал/ов, Сакал/ов/ск/ий; тун → Тун/а/ев, Тун/ов, Тун/ов/ск/ий; ураза → Ураза/ев, Ураз/ов, Ураз/к/а; урман → Урман/ов, Урман/ц/ев, Урман/ц/ов, Урман/че/ев; шорба → Шорба/ев, Шурб/ин; юзук → Юзук/ов, Юзук/ов/ск/ий; ямщик → Ямщик/ов, Ямиц/ин; яр → Яр/ов, Яр/ин, Яр/ин/ов.

Продуктивными являются производные с суффиксами -ов/-ев, -ин и -ск /-цк.

3. СП «существительное → субстантивная и адъективная зоны» (116):

адаш → Адаш/ко, Адаш/к/евич, Адам/ов, Адам/ов/ск/ий, Адам/ск/ий, Адам/ин; алмаз → Алмаз/ко, Алмаз/енко, Алмаз/ин, Алмаз/ов, Алмаз/ов/ский; алма → Алма/ч/енко, Алма/чук, Алмаков; баба → Бабай (Бабий), Баба/н/юк, Баба/ев, Баба/ев/, Бабаков; багай → Багай/л/юк, Бага/ев (Бога/ев), Бага/ев/ск/ий; базар → Базар/енко, Базар/ко, Базар/чук, Базаря, Базар/ов, Базар/енк/ов; бай → Бай/ко, Ба/ев, Бай/ев, Бай/ск/ий; байрак → Байрач/енко, Байрач/ук, Байрач/н/а, Байрач/ук/ов, Байраш/ев, Байраш/ев/ск/ий, Байрач/ин, Байрач/н/ый; бака → Бака/енко, Бака/ев, Бака/ив, Баки/ев, Бака/ин; балык → Балыко, Балыка, Балык/чи, Балыч/ак, Балыч/енко, Балыч/ик, Балыч/ко, Балыч/енко, Балыч/ко, Балыч/ук, Балык/ин (Былык/ин) Балык/ов, Балык/ов/ск/ий, Балык/чи/ев, Балыч/ев, Балыч/ев/ск/ий, Балыч/енк/ов, Балыч/еви/ев, Балыц/к/ий; бахт → Бахт/енко, Бахт/ин, Бахт/ин/ов, Бахт/енк/ов; башлык → Башлы/енко, Башла/енко, Башлыч/енко, Башлык/ин, Башлык/ов, Башлыч/к/ов; башмак → Башмач/енко, Башмач/ко, Башмач/ник, Башмак/ов, Башмач/к/ин, Башмак/ов/ск/ий, Башмач/енк/ов, Башмач/ник/ов; бибер → Бибер/ко, Бибер/енко, Бибер/ов, Бибер/енк/ов, Бибер/ин; буга → Буга/енко, Буга/ец, Бугай/ко, Бугай/ч/енко, Буга/ев/ск/ий, Буга/ёв; буран → Буран/евич, Буран/ович, Буран/енко, Буран/ко, Буран/юк, Буран/Чук, (Буран/ч/юк), Буран/ец, Буран/ин, Буран/к/ин, Буран/ск/ий, Буран/ов; бурлак → Бурлак/ович, Бурлач/енко, Бурлак/ов, Бурлач/ин, Бурлак/ин; бурун → Бурун/ович, Бурун/енко, Бурун/ч/енко, Бурун/ин, Бурун/ов, Бурун/ов/ск/ий; бусы → Бус/ин/ко, Бус/ин, Бус/ов, Бус/ов/ск/ий, Бус/ов/к/ин; гуль → Гул/ай, Гул/ак, Гул/ей, Гул/енко, Гул/ен/юк, Гул/ич, Гуль/ко, Гул/ев, Гул/ин, Гул/енк/ов, Гул/и/ев (Гул/я/ев); джума → Джума/енко, Джум/енко, Джума/ев, Джум/ин; кавун → Кавун/ович, Кавун/джи, Кавун/енко, Кавунко, Кавун/н/ик, Кавун/ч/енко, Кавун/чук, Кавун/ин, Кавун/ов и другие.

Максимальная насыщенность субстантивной зоны наблюдается в СП с производящими буран и кавун – 7 производных, СП с производящими балык, гуль, ермак, турка, тютюн имеют 6 производных, СП с производящими Адам, баламут, майдан, Якуба имеют 5 производных. Типичными суффиксами для производных, образованных на базе освоенных основ, являются суффиксы -енко и -ко.

Снижение количества производных происходит в СП с мотивирующими неосвоенными тюркскими основами, такими, как базар, буга, казан, каланча, казара,

курган, курман, курт, тур, – по 4 производных. В СП преобладают производящие неосвоенные единицы, которые формируют субстантивную зону с количеством производных от одного до трех.

Адъективная зона в СП максимально состоит из четырех производных (представлен единичный случай), три производных отмечены в СП с мотивирующими освоенными существительными *камьш, караван, нагайка, парча, татар, турка, тур*. СП, состоящие из одного производного, представлены в 16 СГ, среди производных преобладают единицы с суффиксом *-ов /-ев*.

4. СП «прилагательное → субстантивная зона» представлены одной СП: *огий* → *Огиенко, Огийчук*.

5. СП «прилагательное → адъективная зона» (6): *джансыз* → *Джансыз/ов (Джансыз/ов)*; *кумач* → *Кумач/ов, Кумач/н/ый*; *сасык* → *Сасык/ин, Сасык/ов (Сасык/ев)*; *узун* → *Узун/ин, Узун/ов*; *чурук* → *Чурук/ов, Чурук/ин*; *ширин* → *Ширин/ов, Ширин/ск/ий*.

Лексическая наполненность СП равна двум производным. В СП преобладают производные с суффиксами *-ов /-ев* и *-ин*.

6. СП «прилагательное → субстантивная и адъективная зоны» (5): *балабан* → *Балабан/ик, Балабан/ин, Балабан/ов*; *букир* → *Букри/енко, Букрий, Букре/ев (Букри/ев)*; *кайсар* → *Кайсар/енко, Кайсар/ин, Кайсар/ов*; *кара* → *Кара/ч/ин, Кара/ч/енко, Карачен/юк, Кара/ч/ий, Кара/ч/ев (Карачеев), Карач/енк/ов, Карач/ин/ск/и*; *ярем* → *Ярем/енко, Ярем/чук, Ярем/ов*.

В СП субстантивная и адъективная зоны пропорциональны, в них выделяется по одному – два производных. Исключение составляет СП с мотивирующим *кара* – 4 производных в субстантивной зоне. В субстантивной зоне продуктивным является суффикс *-енко*, в адъективной – *-ов /-ев*.

7. СП «глагол → субстантивная зона» представлена одной СП: *ярмак* → *Ярм/ушко, Ярм/ыш, Ярм/ыщенко*.

8. СП «глагол → адъективная зона» включает одну СП антропонимов: *яшан* → *Яшан/ин, Яшан/ский*.

9. СП «глагол → субстантивная и адъективная зона» (4): *Басман* → *Басман/енко, Басман/ченко, Басман/чук, Басман/юк, Басман/ов*; *бельмес (бельмез)* → *Бельмес/енко, Бельмес/ов, Бельмес/ин*; *бурма* → *Бурм/ак (Бурм/ака), Бурм/ин, Бурм/ич/ев, Бурма/ченко, (Бурм/енко), Бурм/ич, Бурма/к/ов, Бурма/с/ин*; *джур* → *Джур/енко, Джур/ко, Джур/ин, Джур/к/ов*.

В субстантивной зоне с максимальным количеством отмечена одна СП с мотивирующим *бурма*. Все производные субстантивной зоны включают суффикс *-енко*, адъективная зона представлена производными с суффиксами *-ов* и *-ин*.

10. СП «местоимение → субстантивная и адъективная зона» включает два антропонима: *биз* → *Бизименко, Бизимов*.

Исходное вершинное слово накладывает ограничение на семантику производного, тем самым антропонимы характеризуются одним и тем же лексическим значением. Выделение зон предопределяет характер валентности производящего слова.

При исследовании словообразовательных парадигм собственных имен Н. М. Черненко отмечала, что «1) собственные имена, являясь лексико-

грамматической единицей языка, активно пополняют словарный состав языка; 2) состав словообразовательной парадигмы собственных имен зависит от принадлежности исходного слова к той или иной лексико-грамматической группе» [11, с. 6].

Словообразовательные парадигмы построены на основе формальной оппозиции. Материал показал, что антропонимы образуются, в основном, на 1 или 2 ДШ.

В целом анализ КСП и ТСП онимов позволяет говорить о таких особенностях:

- 1) регулярная реализация деривационных значений субстантивной и адъективной зон;
- 2) количественная тождественность производных субстантивов и адъективов в СП.

Как в субстантивной, так и в адъективной зоне реализация типовых СЗ является регулярной. Однако в адъективной зоне эта регулярность поддерживается наличием синонимичных суффиксов (-ин и -ов).

Выводы. Таким образом, принадлежность рассматриваемых онимов к одной части речи, их единое предметно-конкретное значение, тождество структурных свойств исходных определяют единство их деривационных возможностей. Проявление общности обнаруживается в том, что в словообразовательных парадигмах всех лексико-семантических групп довольно последовательно реализуются словообразовательные значения субстантивной и адъективной зон. Однако в типовых словообразовательных парадигмах слов двух ЛСГ отмечаются и разные словообразовательные значения, которые обусловлены различиями семантики и структурой производящих.

Список литературы

1. Земская Е. А. Словообразование как деятельность : [монография] / Елена Андреевна Земская. – М. : КомКнига, 2005. – 223 с.
2. Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании / Е. А. Земская // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния: Виноградовские чтения, V–VIII. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 63–77.
3. Клименко Н. Ф. Словообразовательная структура и семантика сложных слов в современном украинском языке : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.02 «украинский язык» / Н. Ф. Клименко. – К., 1984. – 52 с.
4. Кубрякова Е. С. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании / Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева // Лингвистика и поэтика. – М. : Наука, 1979. – С. 5–24.
5. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания : [монография] / Владимир Владимирович Лопатин. – М. : Наука, 1977. – 314 с.
6. Милославский И. Г. Об ограничениях сочетаемости русских морфем / И. Г. Милославский // Вестник Московского университета. Серия Филология. – 1979. – № 2. – С. 3–14.
7. Соболева П. А. Моделирование словообразования / П. А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М. : Наука, 1972. – С. 165–212.
8. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия : [монография] / Полина Аркадьевна Соболева. – М. : Наука, 1980. – 296 с.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательные и корневые гнезда слов / А. Н. Тихонов // Восточнославянское и общее языкознание. – М. : Наука, 1978. – С. 270–274.
10. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания : [монография] / Игорь Степанович Улуханов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
11. Черненко Н. М. Словообразовательная структура оттопонимических прилагательных в современном русском языке : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «русский язык» / Н. М. Черненко. – Ташкент, 1978. – 19 с.

12. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд и словообразовательное гнездо / Ю. А. Шепель // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – Дніпропетровськ, 2005. – № 2 / 2. – С. 227–235.

Ібрагімова В.Ф. Словотвірні парадигми російських та українських антропонімів тюркського походження / В.Ф. Ібрагімова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 74–80.

У даній статті розглядаються російські та українські антропоніми тюркського походження в складі словотворчих парадигм. Виявлення та зіставлення типових і конкретних СП дозволило встановити випадки не реалізації певних СЗ. В результаті зіставлення визначено обмеження сполучуваності виробляючих основ онім з афіксами, їх роль у формуванні СП.

Ключові слова: словотворчі парадигми, антропоніми, аелятив, типові і конкретні словотворчі парадигми, морфологічна парадигма.

Ibragimova V. Word-formation paradigm of Russian and Ukrainian anthroponims by Turkic origin / V. Ibragimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 74–80.

This article discusses the Russian and Ukrainian anthroponomy Turkic origin in the word-building paradigms. Identification and comparison of standard and specific SP cases are not allowed to determine the implementation of certain North. A comparison of the defined limits of compatibility manufacturing bases's names affixes, their role in the formation of the joint venture.

Keywords: word paradigm anthroponomy, appellative? Model and specific derivational paradigm, morphological paradigm.

Поступила в редакцію 19.10.2012 г.